

ОТ АВТОРА
Грозных Ворот

Александр Тамоников

Честь офицера

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников
Снайпер

«ЭКСМО»

2003

Тамоников А. А.

Снайпер / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2003 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 5-699-02926-5

Террорист на выдумки хитер. Чеченский террорист – вдвойне. Кто бы подумал, что в тихом Переславле свили гнездо боевики полевого командира Алимхана. Их цель – потрясти российские города серией устрашающих терактов. Для этого есть все: оружие, взрывчатка, деньги, фанатики-камикадзе. Но ветеран-"афганец" Николай Рыбанов знает, что честь офицера – оружие посильней взрывчатки. Он умеет смотреть в глаза смерти, только не любит встречаться с ней взглядом. Пускай это делают боевики, а он им поможет...

ISBN 5-699-02926-5

© Тамоников А. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Тамоников

Снайпер

*Заслуженному работнику культуры, капитану I ранга Терещуку
Н. В. с благодарностью посвящаю*

*Из парней не промах выходят классные киллеры.
Григорий Стернин*

ГЛАВА 1

Переговоры подходили к концу. Договор о строительстве крупного туристического комплекса был уточнен, отредактирован, и Эдуард Львович Гомельский – глава строительной компании «Голиаф» и Стив Лидман – представитель и совладелец шведской фирмы «Гала» дочитывали последние страницы.

Первым отложил текст Гомельский. Он отхлебнул из чашки кофе, закурил, глядя на компаньона. Тот через минуту также отодвинул в сторону документ:

– Ну что же, Эдуард, я думаю, мы все предусмотрели. Можно скрепить договор подписями и печатями! – говорил швед на русском языке, правда, с легким акцентом, но довольно правильно строя фразы. – Когда ты сможешь начать работу?

– Как у нас говорят, как только – так сразу! Как только первая оговоренная сумма поступит на наши счета, компания развернет работы в полном объеме!

– Я почему об этом спрашиваю, Эдуард? Мне хорошо известно ваше чиновничество с их врожденной бюрократией, а тебе предстоит еще разного рода согласования, утверждения и еще масса ненужной, с моей точки зрения, бумажной волокиты! Не сорвет ли данное обстоятельство график строительства?

– Наше чиновничество ругать не надо, Стив, что бы мы без него делали? Оно, по крайней мере, свободно обходит законы, которые само и создает, лишь бы зашуршало в кармане! У вас, в благополучной Швеции, с этим намного сложнее, я не прав?

– К сожалению, ты прав! У нас закон не обойти, даже королю.

– Вот видишь? Так что ни о какой задержке в работе не может быть и речи! Не волнуйся! Перечисляй деньги, и сам убедишься в том, что строительство началось. К тому же ты оставляешь при мне своего надзирателя. – Гомельский улыбнулся своей обворожительной улыбкой.

– Не надзирателя, Эдуард, а представителя фирмы, и, согласись, это нормально! Я должен быть в курсе дел партнеров.

– Особенно в той ее финансовой части, которая договором не обговорена? Да, Стив? – говоря это, Гомельский улыбнулся вновь.

– И в этом плане тоже, – совершенно серьезно, но немного смущаясь, ответил Стив.

– Не надо смущаться, мой друг! Свою долю ты получишь. А твоему человеку мы обеспечим полную возможность контроля над исполнением договора, и не только его. Все перечисления на указанный тобой счет будут проводиться исключительно с его участием.

– Приятно работать с компетентными людьми, Эдуард.

– Взаимно, Стив. Когда ждать первой суммы?

– Дня через два-три, как только я вернусь в Стокгольм.

– Значит, со дня поступления их на мои счета можете начинать отсчет времени строительства. Своевременность и качество работ гарантирую!

– Ты, Эдуард, как в рекламе вашего пива. Там тоже молодой человек гарантирует качество своего продукта.

– Не знаю, как насчет пивовара, а я за свои слова отвечаю всегда, при любых обстоятельствах.

– Я знаю это, поэтому и выбрал тебя, а не корпорацию «Бахор», готовую работать на более льготных условиях. Но и ты оцени мой шаг, Эдуард!

– Какой может быть разговор, мой дорогой шведский друг! Ты будешь иметь возможность убедиться в том, что сделал правильный выбор, не «купившись», как у нас говорят, на дешевый понт.

– Я не понимаю этот сленг.

– А он тебе и не нужен, Стив! Я думаю, наступило время завершить оформление сделки, – предложил Гомельский.

– Да, конечно! – согласился тот.

Через несколько минут стороны обменялись подписанными и скрепленными печатями договорами, составленными на русском и английском языках.

– Ну вот, теперь можно и выпить за удачу. Что ты предпочтешь, Стив? Водку? Джин? Ром? Коньяк? Или что полегче? Шампанское, например? – сделал предложение Гомельский.

– О нет, нет, благодарю! Мне еще предстоят дела в посольстве, – отказался Лидман.

– Понимаю и ни на чем не настаиваю. Будет еще время и повод оторваться по нашим русским обычаям.

– Не сомневаюсь в этом, – проговорил Лидман, – О'кей, мне пора, Эдуард!

– Не смею задерживать. Я провожу тебя до машины.

– Не надо, это лишнее! Вилли, мой личный представитель, завтра с утра подъедет к тебе. Обеспечь, пожалуйста, нормальные условия для его работы.

– Стив, вот об этом можно было и не напоминать! Твой Вилли получит самые комфортабельные условия.

– О'кей! До свидания, господин Гомельский!

– До свидания, господин Лидман!

Эдуард Львович проводил высокого гостя до дверей своего кабинета. Когда за шведом закрылась дверь, Гомельский как мальчишка повернулся вокруг себя и, подняв правую руку и согнув ее в локте, трижды произнес: «Йес, йес, йес!» – сопровождая английское «да» резкими движениями руки.

Немного придя в себя, он, приоткрыв дверь, крикнул в приемную:

– Соня!

Секретарь тут же ответила:

– Бегу, босс!

В кабинет впорхнула длинноногая, густо накрашенная девица в короткой, чуть ли не до трусов, юбке и открытой кофточке, которая была почти незаметна из-за ее выступающих вперед, оголенных до сосков силиконовых буферов.

– Слушаю тебя, Эдя! – фамильярно обратилась девица к своему начальству.

Этому было объяснение. Соня с момента принятия на работу являлась любовницей Гомельского. Эдуард Львович хлопнул ее по оттянутому, почти оголенному задку:

– Ну-ка, Сонечка, сделай для нас пару бокалов шампанского со льдом!

– Ой, Эдя, у нас кончилось шампанское! Есть вино, водка, коньяк.

– Как это кончилось? А если бы швед захотел шампанского? Почему не пополнили запасы?

– Мы же с тобой на дачу ящик забрали в выходные, не помнишь, ты же сам захотел?

– Да? Ну и ладно! Пошли охранника в супермаркет. Пусть купит пару бутылок самого дорогого, французского, держи «бобы».

Гомельский бросил на стол несколько стодолларовых купюр.

– Сейчас сделаем! А что, если не секрет, с этим шведом все сошлось?

– Сошлось, Соня! Скоро ты у меня в самых дорогих прикидах будешь щеголять.

– А хата обещанная?

– Все тебе будет!

– Ловлю на слове, Эдя!

– Иди, я жду, и шампанского, и тебя!

– Да? Что, прямо здесь пихнемся?

– Тебя это не устраивает?

– С тобой, милый, меня все и везде устраивает!

Секретарша вышла из кабинета.

Гомельский сел в свое рабочее кресло. Взяв в руки договор, вновь перелистал его. Эдуард Львович был доволен. Сумел-таки он обойти Рашида с его «Бахором», сумел! Как тот ни старался перетянуть набитого баксами шведа к себе.

Хрен тебе в твое узкоплечатое грызло, козел нерусский! Строй детские садики да дачные домики или лучше вали обратно в свой чуркистан! Предстоящего тендера тебе не видеть, как собственных ушей, братан!

Интересно было бы взглянуть на его щербатую физиономию, когда тот узнает, что Лидман остановил свой выбор на Гомельском. Это удача! Большая удача! И крах бизнеса узбеков! Что и требовалось доказать!

Эдуард Львович откинулся в кресле, закулив настоящую кубинскую сигару, закрыв от удовольствия глаза. Он мечтал: сейчас бокал холодного шампанского, легкая разминка с Соней в комнате отдыха, а затем, с ней же, на загородную дачу. Там он оторвется с этой длинноногой секс-машиной по полной программе! Сегодня это можно себе позволить. Тем более после внутреннего напряжения переговорного процесса в наступившей за ним расслабке желание так и выпирало из брюк Гомельского. Надо не забыть предупредить жену, чтобы не ждала и не искала его этой ночью. Пусть телевизор смотрит или читает своего Булгакова.

Минутами сорока ранее к ограждению провала на набережной, напротив супермаркета, где не было ни прохожих, ни рабочих, подъехала белая, не первой свежести «семерка». Остановилась у самой заградительной ленты.

Водитель, молодой мужчина в приличном костюме, достал кейс, извлек из него взрыватель дистанционного управления, прикрепил к заряду тротила, заложенному под сиденьем переднего пассажира, включил прибор приема сигнала.

Бесшумный пистолет «ПСС» положил во внутренний карман пиджака, перезарядил «кедр», уложив его на дно кейса, закрыв различной документацией, сверху которой находился заклеенный конверт без каких-либо надписей. Шприц-тюбик с запаянной иглой и соляной кислотой внутри аккуратно положил в боковой карман плаща.

Вроде все! Технически он готов, морально тем более и уже давно! Осталось дожидаться удобной минуты для начала акции.

Он посмотрел на часы: 10.45!

В это же время из проулка, ведущего к центральному офису фирмы «Голиаф», вышел парень в камуфлированной форме.

Это мог быть только один из сотрудников охраны строительной компании, так как во дворе, среди невысоких четырехэтажных зданий, находилась всего лишь одна фирма. И молодой человек об этом знал.

Он проследил за тем, как охранник вошел в супермаркет. И тут же сам покинул заминированную «семерку», неожиданный взрыв которой должен был, по мнению хозяина водителя, ввести милицию в «непонятку». Хозяин говорил:

– Пусть менты поломают головки, связывать им взрыв на набережной с тем, что они немного позже обнаружат в «Голиафе». Или будут рассматривать почти одновременно проведенные акции как два независимых друг от друга происшествия, все для них лишняя работа. И, как следствие, потеря времени!

Молодой человек из «семерки» приблизился к магазину. У табачного киоска остановился, пропустил охранника, вышедшего из него с фирменным пакетом, в котором просматривались две черные бутылки импортного шампанского. Он пошел к арке, через которую лежал путь в проулок, к офису строительной компании.

Водитель «Жигулей» последовал за ним.

У самого офиса – двухэтажного здания – охранник резко остановился, развернувшись. Он заметил, что за ним от супермаркета все время шел человек, и теперь ждал преследователя. Но молодой человек применил тактику опережения. Подойдя к охраннику, спросил:

– Слушай, парень, не подскажешь, это здание и есть офис компании «Голиаф»?

– Для этого ты и шел за мной?

– Я задал тебе конкретный вопрос, ты мне ответишь?

– Да, это «Голиаф», а что?

– Ничего! Остальное тебя не касается!

Молодой человек вошел в офис. Охрана на входе вежливо поинтересовалась:

– Извините, вы к кому-то конкретно или впервые здесь?

Охранник босса, вошедший следом, встал у стойки, рассматривая посетителя, который так пренебрежительно отнесся к нему. Неизвестный ответил на вопрос служащих внешней охраны:

– Я здесь впервые, но мне нужна конкретная личность, а именно сам хозяин данного учреждения, Эдуард Львович Гомельский! Надеюсь, он на рабочем месте?

Охранники переглянулись, ответил тот, с шампанским:

– Босс на месте. Но он сегодня никого не принимает.

– Меня твой босс примет! Где его кабинет? Как мне пройти к нему?

– Обождите, – вновь подал голос охранник с шампанским, – я позвоню хозяину, как вас представить?

– Гостем, которому он будет рад!

Парень с интересом посмотрел на этого самоуверенного типа.

– Что ж, раз гость, то пусть будет гость! Только не всех гостей шеф одинаково принимает.

– Делай свое дело, – голос молодого человека был спокоен, но повелителен. «Наверное, тоже привык вот так общаться с охраной, – подумал телохранитель Гомельского. – Хозяева, мать их!»

В кабинете Эдуарда Львовича пропищал аппарат внутренней связи. Выпустив дым, он поднял трубку:

– Гомельский! Слушаю!

– Босс, это Игорь. Я звоню с входа, здесь посетитель к вам, я говорю, что вы не принимаете сегодня, но он настаивает и говорит, что его вы примете обязательно.

– Да? Минуту.

Гомельский включил камеру видеослежения за входом. На экране обычного телевизора высветился молодой, опрятно и модно одетый человек с кейсом в руке. Идиоты, не могли сказать, что его вообще нет в офисе, а не примешь этого человека, как бы ошибки не совершить. Еще неизвестно, с чем он пришел. Может, с выгодным предложением, а может, с удостоверением налоговой полиции. Придется принять.

– Игорь, – сказал он своему охраннику, – проводи человека ко мне, я приму его. Шампанского взял?

– Все, как сказали, босс!

– Давай поднимайтесь!

Через пять минут молодой человек с охранником вошли в приемную.

– Ты привел гостя, Игорек? – удивилась, подняв наложенные длинные ресницы, секретарша. – Но...

– Босс сказал, что примет клиента! Я звонил ему с входа.

– Так, ребята, вы свой разговор продолжайте без меня, – гость указал на тамбур слева. – Мне туда?

– Минутку! – встала перед ним Соня. – Я должна доложить боссу о вашем приходе!

– Ну иди докладывай, только просьба: не разложись на столе для случки с хозяином. У меня мало времени!

– Что? – возмутилась Соня.

– У тебя пятно на трусах, – ответил ей молодой человек.

– Где? – Соня автоматически задрала юбку, склонив голову вниз.

Охранник засмеялся:

– Проходите без ее доклада. Это она понтуется, фигура! «Купилась», как последняя лошачка!

Незнакомец вошел в кабинет главы «Голиафа». Следом влетела Соня.

– Босс! Этот мужик оскорбил меня!

– Выйди, Соня! – приказал Гомельский. – Ты как ведешь себя? Кем меня перед человеком выставляешь? Немедленно покинь кабинет! – И обратился к гостю: – Извините, с кем имею честь?

– Ну, во-первых, здравствуйте!

– Добрый день!

– Мы так и будем разговаривать при охране? – спросил молодой человек, видя, что Игорь, как назвал его сам Гомельский, не собирается покинуть кабинет.

Эдуард Львович ответил:

– Охранник вам мешает?

– В принципе мне без разницы, пусть только за спину не заходит, не люблю!

– Кто вы есть-то? – спросил Гомельский.

– Моя фамилия вам ничего не скажет, тем более я у вас не задержусь. Так что в представлении нет необходимости. Во-первых, мы поздоровались, теперь относительно того, что во-вторых. А во-вторых, я привез вам пламенный привет, письмо и сюрприз от вашего брата, Георгия.

– От Жоры? Из Италии?

– Именно!

– Что же вы раньше об этом не сказали?

– Кому? Вашей, извините, так называемой охране?

– А чем вам не понравилась охрана?

– Если коротко, своей бестолковостью! На Западе таких «бойцов» ближе, чем к мусорным бачкам, не подпускают. Они даже не соизволили проверить меня на наличие оружия. Вы чувствуете себя в полной безопасности?

– Это мои проблемы! – раздраженно ответил Гомельский.

Слова неизвестного посланца брата задели его самолюбие. Будет еще всякий молокосос читать ему нотации!

А молодому человеку почему-то хотелось сделать то, что делать не следовало бы, а именно: нагругить этому самодовольному типу в кожаном кресле, его бестолковому Игорю и

особенно секретарше, форменной проститутке, готовой за баксы продать всю себя! Тварь! Как он ненавидел этих особ! Тем временем Гомельский продолжил:

– Не будем обсуждать мою охрану, давайте лучше сразу перейдем к главной теме, у меня мало времени. Как там Милан?

– А при чем здесь Милан? Я прибыл из Турина. Или вам неизвестно, где проживает ваш брат?

– Ну да, конечно, я вечно путаю эти города. Как у него дела? Вы лично с ним знакомы?

– Обо всем вы, господин Гомельский, прочтете в письме. Предвидя ваш вполне закономерный вопрос об электронной почте, отвечу, что главный компьютер фирмы «Позетти, Гомельский и К^о» дал сбой. Отсюда невозможность связаться с вами по Интернету. Можете проверить это.

– Ну зачем же. Письмо так письмо. Давайте его.

Молодой человек открыл кейс, достал конверт с пустым листком бумаги внутри, бросил его на стол Гомельского.

И тут же, выхватив из бокового кармана «ПСС», дважды выстрелил. Первую пулю он пустил в лоб боссу строительной компании, вторую в шею Игорю, так и оставшемуся стоять у двери. Бесшумный пистолет не издал звука, лишь легкое клацанье затвора. Но шум упавшего и забившегося в судороге охранника услышала секретарша. Ее лицо показалось в проеме двери. Она не успела вскрикнуть, как пуля вошла ей в левый глаз, пробивая череп, отбрасывая тело в приемную.

– Вот так, господин Гомельский! Зря вы ни во что не ставили охрану, могли бы и жизнь сохранить, хотя вряд ли, потому как сами утратили чувство опасности. Ну и черт с вами! Половина дела сделана. Теперь документы и отход.

Договор лежал на столе, немного забрызганный кровью Гомельского.

Молодой человек протер его галстуком жертвы, достал полиэтиленовый пакет, положил в него папку с документами, уложил пакет в кейс, туда же бросил пистолет.

Подошел к пульту видеослежения за помещениями офиса. Переключил экран на коридор. В нем никого не было. Проверил специальным прибором, не велась ли видеосъемка и «прослушка» в приемной и кабинете. Ни камер, ни «жучков» не обнаружил. Для перестраховки молодой человек переключил монитор системы слежения по всем режимам. Приемная, кабинет и небольшая комната отдыха за ним системой не фиксировались.

Взяв кейс, неизвестный вышел из кабинета, прошел через приемную, вышел в коридор, захлопнув за собой дверь. Достал шприц-тюбик, отломил кончик иглы, ввел ее в замочную скважину, выдавил внутрь замка соляную кислоту. Раздалось легкое шипение. Теперь, чтобы открыть эту дверь, нужно вызывать саперов, так как кислота полностью разъест замок, а иначе в приемную и кабинет не попасть. Дверь придется взрывать. Но это уже не его проблемы.

Он прошел по коридору, но не туда, откуда вошел в «Голиаф», а к лестнице, ведущей во двор. На стоянку служебных машин компании.

Откуда попал в небольшой двор.

Здесь было первое место его возможного устранения. Но серые коробки домов сталинской постройки молчали.

Со двора, через переулок, он вышел на улицу с транспортным потоком. Возле тротуара, метрах в ста, стояла «Ауди-80».

Здесь было второе место, где его мог завалить «чистильщик» заказчика. Но и эти сто метров он прошел без проблем. Сел в машину, достал пульт дистанционного управления, нажал на кнопку, послав радиосигнал на взрыватель «семерки». Где-то сзади прогремел взрыв и раздалось многоголосое пение сигнализаций машин, припаркованных непосредственно у супермаркета. Бросив кейс на заднее сиденье, Аркадий Гуров, так звали молодого человека, только

что спокойно убившего трех человек, выехал на улицу, свернул на проспект, развернулся и повел машину на выезд из города.

У третьей троллейбусной остановки после кинотеатра остановился. К нему в машину тут же сел мужчина нерусской национальности. Гуров молча достал кейс, передал нерусскому пакет с договором. Тот так же молча вышел, Аркадий продолжил движение.

Прошел пост ГАИ. Через пятьдесят километров по Волоколамскому шоссе свернул на лесную, грунтовую дорогу. Проехал еще совсем недавно наполовину брошенное, а сейчас активно застраиваемое дачниками село. Километров через пять, углубляясь в болотистую зону, свернул на еле заметную, им же пробитую дорогу, ведущую к дамбе, отсыпанной еще во времена развитого застоя. Дамба, вклинившаяся через три километра в болото, привела «Ауди» к одинокому дому. Это здание когда-то принадлежало предприятию по добыче торфа, затем лесничеству и в конце концов было брошено, как непригодное к использованию. Дом с сараем стоял на краю дамбы, завершая ее, и выходил фасадом на причал заросшего осокой большого озера.

Черного озера, от его торфяного дна.

Здесь, загнав машину в сарай, Аркадий, не входя в покосившийся деревянный дом, такой же черный, как и вода в водоеме, прошел на причал, под которым чалился небольшой катер. Стоя на деревянном настиле и глядя в глубину уходящего к лесу озера, достал сотовый телефон. Набрал нужный номер.

– Да? – ответил ему из города знакомый голос.

– Это Ангур. Работа завершена в полном объеме.

Ангур – кличка Аркадия Гурова, по рождению Игоря Юрьевича Касьянова.

– Молодец! Жди меня около десяти вечера.

– Вы сами приедете?

– Ты не понял, что я сказал?

– Я все понял, просто раньше этого не было.

– Жди!

Тот, кто только что говорил с Ангуром, удовлетворенно откинулся в кресле. Кажется, все неплохо, начало будущего дела положено. Первый шаг сделан. И о нем надо доложить! Он нажал кнопку вызова на своем сотовом телефоне. Ответил ему старческий, скрипучий голос:

– Слушаю тебя, Полковник!

– Гомельский вышел из игры!

– Хорошая новость! Теперь заставь Рашида обработать Лидмана, пока тот в испуге не покинул Россию! Швед должен подписать контракт с «Бахором». Далее готовь акцию по узбекам. Работать твой человек, Ангур, должен по ранее оговоренному плану. Твою долю тебе сегодня доставят домой. Все!

Связь отключилась. Полковник налил рюмку коньяку, выпил за удачное начало грандиозного мероприятия, а в это же самое время, на причале, Аркадий стянул с рук пленку, скрывающую его отпечатки пальцев.

Он поднялся в дом, на второй этаж, где была оборудована жилая комната его хижины, как Гуров сам называл место своего временного обитания. Здесь не было излишеств, роскоши, только самое необходимое, и, главное, здесь присутствовала звонкая лесная тишина, ночное всхлипывание болота, специфический запах торфяника, плеск волн и шелест осоки, пение птиц и воздух, кружащий голову, как бокал хорошего вина. И одиночество, к которому привык Аркадий и которое даже любил. У него была в городе трехкомнатная квартира, обставленная по последней моде, дорого и уютно, со всеми удобствами. Но она тяготила его. И только лютой зимой, когда дом промерзал настолько, что в нем невозможно было находиться, да весной, когда талая вода заливала дамбу, лишая проезда к хижине, он жил в городе. Сам Аркадий, кроме редких встреч с девочками по вызову, для удовлетворения естественных потребностей

молодого мужчины, любимой женщины не имел. И это не было каким-то психическим отклонением. Когда ему было восемнадцать, он любил, и его любили! Нежно, страстно! И казалось, любовь эта будет длиться вечно, несмотря ни на что. Но он ошибся.

Вернее, так распорядилась сама судьба, одним мановением перевернув кардинально его жизнь.

ГЛАВА 2

В один из весенних дней Игоря Касьянова призвали в армию.

Ни связей, ни денег, чтобы «откупиться» в военкомате, как делали многие, у них не было.

Да и откуда им взяться, если семья еле сводила концы с концами. Мать, надрываясь, тянула сына после безвременной и трагичной гибели мужа. Отец погиб глупо.

Получив зарплату в депо, где работал слесарем, по традиции отметил это событие с сослуживцами. И перебрал немного. Шел домой на «автопилоте» через железнодорожные пути, так и не заметив выскочившей из-за поворота пригородной электрички.

Хоронили отца в закрытом гробу.

А Игоря Касьянова призвали в воздушно-десантные войска и полгода дрессировали по приобретению навыков снайпера в одном из горных учебных центров. Тогда девушка его, Валентина, почти ежедневно писала ему письма, полные любви и уверений в верности.

Тем же отвечал и он.

Ну а по весне полк, в который после учебного подразделения направили сержанта, послали в Чечню.

Перед этим Игорь побывал в отпуске.

Лучше бы он отслужил два срока службы, чем получить *такой* отпуск! Отпуск по семейным обстоятельствам!

Дома скоропостижно скончалась мама. Не выдержало сердце женщины этой тяжелой жизни! Похоронив последнего родного человека, он вернулся в часть. Касьянов служил в спецназе, в мобильной разведывательно-штурмовой группе, специализирующейся на глубинных рейдах по тылам противника.

А за три месяца до дембеля случилось то, что кардинально изменило все.

Группа в десять человек вышла в обычный рейд. Ночью перед выходом Игорь написал Вале письмо. Как потом оказалось, последнее послание своей возлюбленной.

Поутру подразделение, ведомое капитаном Грачевым, разделившись на две пятерки, начало марш. Несколько часов напряженного пути, и первое отделение во главе с командиром группы вышло на хребет. Второе, где находился Игорь, осталось в «зеленке», контролируя тропу, по которой днем к близлежащему селению должен был пройти отряд боевиков.

Его-то и было приказано уничтожить! Массированным огнем с фланга, из рощи, и сверху, с хребта. Прибыли на место по графику, оборудовали позиции. Игорь приготовил свою снайперскую винтовку «СВДС». Началось ожидание, которое всегда у Касьянова, да и других бойцов, сопровождалось размышлениями. О службе, о доме, о тех, кто остался там. Задумался и Игорь.

Вообще за время службы сержант Касьянов зарекомендовал себя отличным бойцом, решительным, хладнокровным, в разумном пределе отчаянным. На его личном счету было более пятидесяти заваленных «чехов». За что Игорь был награжден орденом Мужества. Во время войны в нем родились ярость и стремление убивать, ставшее для него основной работой, которую он делал отменно, и не без удовольствия, нанося на приклад винтовки очередную отметину, означающую чью-то оборванную его выстрелом вражескую, ненавистную жизнь.

Но сейчас на позиции, в наскоро оборудованном из веток и маскировочной сетки укрытии, Игорь думал о Валентине. О том, как скоро вернется домой, как закатит свадьбу и заживет с ней счастливо...

«Чехи» напали внезапно.

Одновременно атаковав засады десантников с тыла. В семь утра!

Что стало полной неожиданностью для бойцов спецназа. Атаковали умело, имея при этом двух-, а то и трехкратное превосходство в живой силе.

Группа ничего не успела предпринять в ответ. Чечены первым же близким залпом отстрелили большую часть «спецов». Единственное, что смогли десантники, так это оставшимися силами схлестнуться с боевиками в рукопашной.

В драку, со штыком, пошел и сержант Касьянов, но на него на село четверо горцев, набросив к тому же на Игоря сеть. Затем ударом тупого предмета в затылок его вырубил. «Вот и все, – мелькнуло в уходящем сознании сержанта, – конец». Но его не убили, и конца не наступило. Напротив, для Касьянова все самое ужасное только начиналось.

Очнувшись он в каменном сарае, на куче прошлогодней соломы, густо перемешанной с навозом, связанный.

Голова болела, но серьезных повреждений не было. Кости все целы, это Игорь проверил, перекатившись из кучи дерьма в угол на бетонный пол.

Через щели в массивной двери ничего не видно. Ночь, наверное. Но его охраняли. Касьянов слышал иногда покашливание человека, находящегося где-то рядом, возможно, сразу за дверью. И запах анаши, которую тот время от времени курил, пробивался в сарай.

Касьянову захотелось пить. Он подполз к двери, ударил по ней связанными ногами.

Охранник среагировал. Не открывая запора, спросил:

– Очухался, гяур?

– Я хочу пить, – попросил Игорь. – Воды бы немного?

– А может, вина хорошего? И шашлык к нему? – спросил голос из-за двери.

– Нет! Только воды, немного. И сигарету, если можно, хотя бы одну или несколько затяжек.

– Вокруг шеи ты завтра получишь затяжку! И заткнись, тварь, пока я тебе ребра не переломал!

Поняв, что от этого горца ему ничего, кроме неприятностей, не добиться, Касьянов отполз от двери. Его охватили бессилие и горечь.

Бессилие оттого, что он ничего не может предпринять, находясь в унижительном положении скотины, а горечь, что они с ребятами так глупо попались в капкан к боевикам. Как такое могло произойти с подготовленной, опытной, проверенной в многочисленных боях группой? О ее выходе в рейд не знал никто, кроме, естественно, командира группы и его непосредственных начальников, разрабатывавших операцию. Потом, перед выходом, любым выходом в горы, даже для выходов, имеющих профилактические цели вроде прочесывания или зачистки местности в непосредственной близости дислокации части, первой всегда работала разведка. Не говоря уже о выполнении конкретных боевых задач по уничтожению намеченных целей. Тогда разведка работала по всем своим каналам и по полной программе. И не только войсковые разведывательные роты, но и глубинная, агентурная служба. По их информации и формировалась общая задача, и по их наводке работали группы спецназа. Почему же на этот раз их группа сама попала в западню «чехов»? Откуда взялись эти силы боевиков? Ведь их было не меньше двадцати человек? Как они могли незаметно обосноваться именно там, где спецназ планировал раскинуть свои сети? Что все это значит? Результат преступной халатности разведывательных служб, выдавшей неполную информацию, или... заранее продуманная провокация? Но тогда выходит, что группу просто сдали «чехам»? Кто? Вывод, как ни крути, – кто-то из своих! И не рядовых солдат и младших офицеров части, а из тех, кто наверху, кто разрабатывал акцию, кто посвящен в нее досконально. Неужели в высшем штабе завелась крыса, готовая за баксы чеченов продать своих же бойцов? Им же до дома меньше трех месяцев оставалось? И на тебе! Продали, как баранов на местном рынке, не торгуясь продали! И где остальные ребята? Почему он один в сарае? Неужели в рукопашной погибли все? Тогда почему он, Касьянов, жив? Не стали бы «чехи», если еще кого-то взяли в плен, разводить «спецов» по разным казематам! В кучу всех бы и собрали! Значит?... Он остался один в живых? Но почему он, сержант? Чтобы казнить прилюдно, перед видеокамерой? Или же решили поменять на кого-то из своих пле-

ненных бандитов? Но тогда уж оставляли бы в живых капитана. Офицер есть офицер, тем более спецназа, за него можно торговаться. А кто он, Касьянов? Срочник, хоть и сержант. Цена которому – пуля. Кто за какого сержанта будет кого-то там отдавать? Непонятная ситуация и, надо признать, очень скверная.

Тогда сначала все было непонятно, холодно, голодно, и более всего мучили жажда и желание курить.

И о том, что ждет его поутру, Касьянов даже догадываться не мог. Единственное, что он просчитал верно, это то, что их группу действительно предали, приговорив к смерти всех ее членов, кроме сержанта. Собственную персону Игорь недооценил, а вся бойня и была устроена с одной лишь целью: захватить его, сержанта-срочника.

Ночью, связанный, в сарае, он ничего знать не мог. Страшное ждало его утром. То, что изменило всю жизнь. И даже имени собственного лишило, заставив забыть его.

И началось *это* ровно в семь часов утра. Когда двери сарая открылись и к Касьянову втащили тело рядового Жени Соболева, снайпера первой, ушедшей с командиром на хребет пятачки. Значит, не все полегли в том бою.

Соболев был жив, но ранен. И ранен тяжело! Удивило то, что Женя был без бронезащиты, живот его накрывала грязная, вся пропитавшаяся кровью тряпка. Грудь также была прострелена. Броник выдержал бы выстрелы автоматов и пистолетов, из которых боевики вели по группе огонь. Следовательно, в Соболева стреляли, уже взяв в плен и лишив защиты. Для чего? Чтобы помучился перед смертью? Жить ему, в лучшем случае, остается несколько часов. Он постоянно терял сознание, в которое его тут же приводили с помощью ведра ледяной воды из протекающего недалеко ручья. Но ненадолго. Страшная боль вновь лишала солдата сознания, и тогда опять шла в ход вода.

Для чего «чехи» принесли сюда Женьку? Показать ему, Касьянову, что и его ждет подобная участь? Поиздеваться перед тем, как всадить в него обойму? До этого чечены были большими любителями.

Но не все оказалось так просто.

В сарай вошел русский мужчина, что немало удивило Касьянова, так как вел он себя начальником. По выправке мужчина – военный, по возрасту – не ниже полковника, если, конечно, не прапорщик. Но нет, на прапора этот лохотный тип похож не был. По крайней мере, так показалось Игорю.

И он оказался прав, о чем, правда, узнал много позже.

А пока русский на местном наречии что-то резко приказал горцам, втащившим в сарай Соболева. Все, кроме одного, вышли на улицу.

Через минуту один из них принес табурет.

Русский мужчина сел, чечен встал за его спиной, держа в руках автомат.

Русский, словно пронзая Касьянова насквозь, смотрел ему в глаза.

Игорь сумел выдержать этот взгляд. Мужчина спросил:

– Сержант Касьянов Игорь Юрьевич?

– Он самый! Послушайте...

Мужчина перебил Игоря:

– Вопросы, молодой человек, здесь задаю только я!

Но Касьянов уперся:

– У меня не вопрос, у меня просьбы. Без выполнения которых я разговаривать с вами не буду!

– Вот как? А ты отчаянный, сержант! Торопишься умереть? Хотя мне по душе отчаянные ребята, но я очень не люблю, когда мне не подчиняются.

Игорь промолчал, отведя взгляд на умирающего товарища. Русский, немного подумав, согласился:

– Хорошо! Я слушаю твои просьбы.

– Их три! Воды, сигарет со спичками и хоть какую-то помощь солдату, моему боевому товарищу. У нас же были с собой особые, специальные аптечки. Введите ему обезболивающий препарат! Это ничего не изменит, но человек хоть перед смертью не будет мучиться. Или вы не видите, как он страдает?

Русский выслушал Касьянова, приказал чеченцу:

– Исмаил! Дай воды сержанту!

Тот тут же поднес к Игорю ведро с остатками воды, которую Касьянов с жадностью выпил.

– Еще? – спросил мужчина.

– Нет, теперь закурить бы.

Русский усмехнулся непонятно чему, достал из кармана пачку «Парламента», вытащил сигарету, протянул Исмаилу.

– Угости, друг мой, нашего пленника табачком!

Чеченец вставил фильтр в рот сержанту, поднес к ней огонь от зажигалки.

Игорь в три затяжки выкурил сигарету.

– Теперь... – хотел Касьянов продолжить, но русский оборвал его:

– Теперь ты заткнись!

Он достал пистолет «ПМ», передернул затворную раму. Сказал:

– А вот теперь, сержант, окажи помощь своему другу сам, избавь его от адской боли, а заодно и сохрани свою жизнь – пристрели его.

– Что? Ты за кого меня, сука, принимаешь? – возмутился Касьянов.

– Ну, ну, сержант! Поаккуратней в выражениях! Не забывай, где находишься.

– Я не забываю, но стрелять в своего не буду!

– И умрешь, так же медленно и мучительно, как скоро и он.

Раненый Соболев, находящийся в это время в сознании, с большим трудом прошептал:

– Игорь... не дури... мне все одно... конец. Не могу больше... терпеть эту боль... кончи меня... как друга прошу... ты не представляешь... какой огонь внутри... Стреляй! И мне поможешь... и сам...

И потерял сознание.

Русский тут же приказал:

– Исмаил! Воды, живо!

Чечен бегом принес ведро воды, облил Соболева.

Сознание вместе с болью вновь вернулось к солдату. Он посмотрел на Касьянова полными отчаяния и нечеловеческой муки глазами, умирающими глазами:

– ...и сам живым останешься, Игорек!.. А там, глядишь, и... отомстишь!

Русский мужчина встал.

– Ну все! Разговоры отставить! Исмаил, освободи сержанту руки!

Чеченец широким острым, как бритва, тесаком одним взмахом перерубил веревки. Игорь тут же принялся разминать затекшие кисти.

Русский немного подождал, бросил ствол Касьянову:

– Держи пистолет, снайпер! Выполни последнюю просьбу товарища. Потом и о тебе поговорим. Нам есть что обсудить.

Касьянов взял пистолет.

Затекшая рука еще плохо слушалась, но выстрелить сержант уже мог. И он выстрелил, переведя ствол на русского.

Тот как ни в чем не бывало остался стоять на месте, хищно скалясь:

– А ты молодец, сержант! Честное слово, если бы ты этого не сделал, я разочаровался бы в тебе. Но ты молодец, держишь марку до конца! Только вот не подумал, разве стал бы я

давать тебе боевой ствол? Патрон был холостым! Мог бы и просчитать этот маневр. Жалко, да, что не завалил меня, признайся?

– Пошел ты!

Касьянов бросил к ногам мужчины пистолет. Сказал:

– Делай что хочешь, по-твоему не будет!

– Не будет, говоришь? – мужчина приблизился к Игорю. – Посмотрим! Исмаил! А ну-ка сделай нашему раненому гостю чуть больнее! Чтоб на стенку, тварь, полез!

Чеченец достал мешочек из своих широких брюк, высыпал на ладонь крупную соль, сорвал повязку с живота, швырнул горсть прямо на рану. Евгений дико закричал, изогнувшись в дугу. Боль даже не дала ему потерять сознание.

– Перестань, зверь! – в тон Соболеву крикнул Игорь.

– Это кто зверь? – взвился горец. – Я – зверь? Господин! – обратился чеченец к русскому. Разреши, я этому гаденышу член отрежу и в пасть его вонючую засуну!

– Исмаил, свалил отсюда! – приказал русский.

– У-ух, попадешься ты мне, гяур, мамой клянусь, лично голову отрежу, – прошипел горец, выполняя приказание русского мужчины.

А тот поднял пистолет, вытащил обойму, вставил в нее настоящий, боевой патрон. Достал второй пистолет, направил его на Касьянова, сняв с предохранителя:

– Шуточки кончились, сержант! Или ты стреляешь в умирающего солдата, или я стреляю в тебя. И не пытайся повторно выкинуть коленце. Я сумею опередить твой выпад, и ты будешь подыхать в муках, как и он. Держи!

Мужчина вновь бросил пистолет Игорю, одновременно взяв его на прицел, и целился он в живот.

– Ну? – крикнул русский.

И Касьянов, закрыв глаза, выстрелил рядовому Соболеву в голову. Тело того дернулось, забившись в предсмертных судорогах. Но не от выстрела умер солдат. Смерть забрала его за секунду до того, как Игорь нажал на спусковой крючок, как бы избавляя Касьянова от смертного греха. Сержант не знал этого, и никто не знал, но Игорь в те проклятые мгновения не стал убийцей. Хотя это обстоятельство дела никак не меняло.

После того как затворная рама пистолета сержанта отошла до упора назад, указывая на разряженность оружия, Игорь отбросил пистолет в сторону. Русский свое оружие вложил в кобуру. Он был доволен.

– Вот и все, сержант! Возьми это.

Мужчина бросил ему пачку сигарет, зажигалку, плоскую фляжку со спиртом.

– Исмаил! – позвал он чеченца, стоявшего на стреме у дверей сарая. – Труп солдата вынести за аул, похоронить как положено! Сарай от дерьма вычистить, поставить кровать с бельем! Дверь на запор, охрану сержанта усилить. Принести ему воды и лепешек, побольше! Разговаривать с ним буду завтра! А пока пусть пьет, ест, бесится!

– Понял, господин!

– А раз понял, выполняй! Ну что, сержант, до завтра?

Касьянов, отвернувшись к стене, плакал.

– Поплачь, сержант, поплачь! Все это дерьмо собачье, скоро пройдет. И если будешь умницей, жить тебе долго и безбедно. И лучше вытри сопли и хлебни спирта. Полегчает. До встречи!

Русский вышел из сарая и сразу обратился к молодому чеченцу с видеокамерой в руках.

– Все снял, Али?

– Как приказывали, господин!

– Пленку мне на просмотр. Я у командира.

– Слушаюсь, господин!

Сарай, убрав и оборудовав по приказу русского, закрыли на засов, выставив возле него чеченца с автоматом.

Русский же прошел в дом полевого командира Байзеда.

Ночь Игорь Касьянов провел страшную.

Перед глазами так и стоял убитый им сослуживец. И хотя Соболев все одно умер бы с минуту на минуту, причем в страшных мучениях, от которых его избавил сержант, Касьянов чувствовал себя последней тварью.

Как бы то ни было, он все же выполнил приказ врага, расстрелял своего. И как бы ни весомы были причины, Касьянов стал предателем, лишь бы сохранить собственную жизнь. Для чего? Господи, да лучше этот тип убил бы его, распял, посадил на кол, но не допустил бы этого позора. Так думал ночью Касьянов. Муки совести мучили сержанта, разрывая его душу на мелкие рваные клочья. Предатель! Последняя, мерзкая тварь! Кто он теперь, после случившегося? Никто! И жить не имеет права!

К еде он, естественно, не притронулся, какая тут еда? Только пил время от времени да курил. Курил, курил, курил, думая, что же делать.

И он принял решение. Решение, которое мог принять двадцатилетний парень, попавший в крепкие лапы преступника-профессионала.

Оно заключалось в следующем.

Надо подыграть этому русскому. Не зря его, Касьянова, подбивали под расстрел сослуживца. Чего-то этим оборотень хотел добиться. Но чего? Вот это в первую очередь и следует узнать. А дальше, исходя из того, что русский задумал, действовать. Если тот один из командиров «чехов», что вполне правдоподобно, и предложит воевать на его стороне, надо соглашаться. Вообще с ним соглашаться во всем, чтобы, получив хоть какую-то свободу, искупить свою вину. Отомстив и за себя, и за Женьку! Не сделают эти вонючие ублюдки из него, сержанта Касьянова, послушную марионетку!

А пока – ждать встречи с этим русским, показав охранникам в дверях, что Игорь смирился со своей участью. А для этого забиться в угол и сидеть там, поникшим, сломленным, морально уничтоженным.

За ним, несомненно, наблюдают, вот и пусть сделают соответствующие выводы, доложив об этом начальству. А там поглядим!

Как наивен тогда был сержант Касьянов! Решив, что сможет переиграть настоящего «профи», у которого затейная им игра была просчитана на десятки ходов вперед. Но Касьянов был, по сути, пацаном, хотя в своем ремесле снайпера и слыл профессионалом, что в конце концов и предопределило всю его судьбу. О чем он той страшной ночью даже не догадывался.

Русский в то время спал спокойно, уверенный, что все идет по плану. Да так оно и было. Кого надо, он зацепил, осталась мелочь. По-хорошему обработать парня, заставить работать на себя. А это он, в недалеком прошлом полковник войсковой разведки, делать умел неплохо!

Наступило утро.

Русский мужчина пришел рано, как только первые лучи солнца коснулись горных вершин.

Он зашел, встав у порога. Внимательно осмотрел тюрьму Касьянова. Кровать не тронута, к хлебу пленник также не прикоснулся, не было только воды, и вокруг валялись искуренные до фильтров окурки, много окурков, рядом смятая пустая пачка.

По напряженному телу Касьянова русский понял, что пленник притворяется спящим.

Он прошел на середину каземата, достав из кобуры пистолет «ПМ», снял его с предохранителя, подал знак рукой.

Абрек тут же подставил табурет, застыв сзади с автоматом в руках.

Русский закурил, ароматный запах расползся по всему сараю.

И резко спросил:

– Сержант? Ты и дальше будешь под дурачка косить? Я же вижу, ты не спишь.

Касьянов молчал.

Тогда тот бросил за спину:

– Исмаил! Ну-ка, дай команду принести пару ведер водички от родника. Сделаем сержанту водные процедуры, чтобы проснулся.

Чеченец что-то крикнул на своем языке в проем двери.

Игорь понял, что дальше прикидываться не стоит. Русский не шутит, и через несколько минут его окатят ледяной водой. Он поднял голову:

– Вы правы, не надо меня будить, я не спал.

– Знаю! Исмаил! Отставить с водой!

Чеченец продублировал приказ на улицу.

Русский продолжил, обращаясь к абреку:

– И давай-ка, мой гордый друг, оставь меня с земляком наедине. Нам есть о чем поговорить.

И повернулся к Касьянову:

– Не так ли, Игорь Юрьевич?

Сержант пожал плечами:

– Вам виднее. Я не знаю.

– Все ты хорошо знаешь, сержант. Сигарет не осталось?

Игорь отрицательно покачал головой:

– Нет!

– Держи пачку. Кури, но перед этим поешь! Я выйду, а ты чтобы все лепешки проглотил, шашлык тебе не предлагаю, не заслужил еще, а хлеб ешь, иначе тебе его в рот насильно затолкают. На завтрак тебе пятнадцать минут! Потом разговор, который, поверь, очень много для тебя значит. Все, не буду мешать, время приема пищи пошло.

Мужчина вышел из сарая. Дверь захлопнулась.

Игорь Касьянов принялся за чурек, местный хлеб, запивая водой, которую ему принесла охрана.

Переживания переживаниями, а молодой организм требовал питания. Тем более лучше самому позавтракать, чем подвергнуться унижению.

Русский появился ровно через пятнадцать минут, спросил:

– Поел?

– Да, – ответил Игорь.

– Это уже лучше. Теперь поговорим. Ты хочешь оказаться на свободе, вырваться из плена?

Такого начала Касьянов не ожидал и сначала растерялся. Но сумел собраться и ответить встречным вопросом:

– А вы как думаете?

Русский укоризненно покачал головой:

– Ты невоспитан, сержант! Вопросом на вопрос отвечать, по меньшей мере, неприлично!

– Какой есть и что тут вокруг прилично?

Мужчина пропустил последнюю реплику Касьянова.

– Ты так и не ответил, сержант.

– Конечно, хочу! Но воевать против своих не буду! Можете делать со мной что хотите, не буду!

– А воевать больше некому. Это я насчет тебя. Ибо сержант Касьянов Игорь Юрьевич погиб. Погиб, прямо скажу, геройски! После жесточайшего рукопашного боя, раненым попав в плен, все же пытался бежать. На пару с рядовым Соболевым. Но, увы, смельчакам уйти далеко

не удалось. Разъяренная погоня «чехов» настигла беглецов и казнила на месте. Эта информация уже достигла твоей бывшей части, вместе с той, где указано, как в рейде, случайно наткнувшись на превосходящие силы противника, пал и весь личный состав диверсионно-штурмовой группы капитана Грачева.

Русский поднялся с табурета, закурил, прошелся вдоль стены.

– Вот так, Игорь Юрьевич! Уже сегодня твои вещи запаяют в цинковый гроб, и груз-200 уйдет в твой родной город, где сержанта-героя Касьянова похоронят со всеми причитающимися воинскими почестями на аллее Славы, если таковая, конечно, имеется. Ну а следом и второй крест придет! На посмертные награды российские чиновники не скупятся! Это ведь не деньги...

Игорь тихо спросил:

– Значит, и... Валентина узнает о моей «смерти»? И я для нее перестану существовать?

Русский поинтересовался:

– Валентина – твоя девушка?

Игорь так же тихо и подавленно, как и прежде, коротко ответил:

– Невеста!

– Жаль, но она навсегда потеряет жениха, – спокойно ответил мужчина.

Касьянов вспылел:

– На хрена мне тогда жизнь? Без нее.

Мужчина опустил на табурет, усмехнулся:

– Не драматизируй, парень, обстановку! Знаешь, сколько таких влюбленных пар разлетаются, как только солдат возвращается домой? Жизнь – штука непростая, сегодня тебе кажется, что без своей Валентины ты жить не можешь, завтра встретишь другую, которая затмит ее, – и все! Конец любви! Впрочем, то же самое может произойти и с ней. И в этом нет ничего противоестественного. Жизнь! Сам будешь иметь возможность убедиться в этом, приняв, естественно, кое-какие мои условия и сохранив тем самым жизнь.

Как был ненавистен Игорю этот лощеный, уверенный в себе, в своем могуществе и непогрешимости тип!

– А если я ничего не приму и пошлю весь ваш шалман ко всем чертям?

Русский даже поморщился:

– Ты этого не сделаешь, парень. Зачем задавать глупые, никому не нужные вопросы?

Но Игорь продолжил:

– А если сделаю, тогда как?

Русский поднялся, посмотрел на Касьянова презрительным, как тому показалось, взглядом, тихо, отчетливо произнося каждое слово, ответил:

– Тогда информация о твоей гибели не подтвердится. А командованию твоей части поступят другие факты. А именно, что ты, сдав «чехам» группу, перешел на их сторону и лично принимал участие в ее уничтожении. Даже раненого Соболева не пожалел. Пристрелил как собаку. Этот эпизод зафиксирован на пленку видеокамерой, которая вчера снимала отдельные эпизоды нашей беседы. Потом тебя передадут федералам. Ну а дальше думай, долго ли ты проживешь, попав к своим? Пресса раздует этот случай, об этом я позабочусь. Каково будет невесте Валентине узнать, что ее любимый Игорек оказался подлым предателем, продавшимся чеченцам за деньги? Что на это скажешь, сержант?

Касьянов задумчиво глядел на стену, по которой медленно поднималась рыжая фаланга. И молчал, до конца осознав, в какой капкан попал.

Мужчина встал, обратился к Игорю:

– Касьянов!

– Я! – чисто автоматически ответил сержант.

– Подумай о жизни, парень. Послезавтра, в обед, встречаемся. И это может стать нашей последней встречей. Все будет зависеть от того выбора, который сделаешь ты: либо беспрекословно подчиниться мне, либо... ну тот вариант мы рассмотрели, я думаю, подробно! Все! До встречи!

Мужчина вышел, вошел Исмаил:

– Утро, вечер прогулка, один час. Еда три раза в день. Параша в углу. Не вздумай дурить, охрана надежна и в момент подстрелит. Понял?

Касьянов промолчал, не обращая на чеченца внимания, что горцу очень не понравилось. Он подошел к пленнику, приставил ствол автомата ко лбу Игоря, прошипел:

– Ты понял, свинья?

Что оставалось делать сержанту? Он покорно ответил:

– Понял!

– Вот так, гяур. А то героя строит из себя! Сделают из тебя героя, дерьмо поросычье, тьфу, – сплюнул на пол Исмаил, выходя из сарая.

ГЛАВА 3

Через день, к обеду, как и обещал, в сарае появился ненавистный русский мужчина.

– Ну что, Игорь Юрьевич, вы соизволили сделать выбор?

– Да.

– Позвольте узнать, какой?

– Ну не сдыхать же в этом каземате.

Русский прошел внутрь, не забыв достать пистолет:

– Следовательно, вы, как я понял, приняли решение работать на меня?

– Да! Да! Да!

– Ну не надо так эмоционально, успокойтесь.

– Я спокоен!

– Конечно, и это сразу бросается в глаза.

Русский закурил, Касьянов же спросил:

– Но я хотел бы знать, в чем будет заключаться эта работа?

– Все мое время, Аркадий Александрович Гуров!

Касьянов поднял на мужчину удивленный взгляд:

– Что? Как вы назвали меня? Какой еще Гуров?

Русский достал небольшой пакет:

– Здесь твой новый паспорт и военный билет уволенного в запас по всем правилам военнотружашаго срочной службы. Там же легенда прошлой жизни Аркадия Александровича Гурова. С этого дня ты – Гуров, или просто Ангур. Я для тебя – Афанасьев Владимир Иванович, или Полковник, но кодовые имена только для общения между собой, а также для связи по всем каналам, какие будут использованы в нашей совместной будущей работе.

Касьянов ничего не понимал. А он еще мечтал переиграть этого русского! Полковник продолжал:

– Теперь слушай внимательно, Ангур! Завтра вечером Исмаил вывезет тебя отсюда в Пятигорск. Оттуда полетишь утренним рейсом в Москву. Найдешь адрес... запоминай хорошенько! Далее, возьмешь тачку, на которой, укомплектовавшись недельной нормой пищи и средствами жизнеобеспечения первой необходимости, отправишься по маршруту, который тебе укажет хозяин квартиры. Машину, надеюсь, водить умеешь?

Игорь, а теперь Аркадий, утвердительно кивнул:

– Обучали! Только права в части!

– Мой друг в столице обеспечит тебя новыми правами, а также небольшой суммой денег для закупок того, о чем я тебе скажу. Дорога приведет тебя к одинокому дому на берегу озера. Автомобиль поставишь в сарай, обживешь свое временное жилище. Оттуда никуда! Никому, никуда, никаких звонков!

Полковник уставился на новоиспеченного Гурова долгим холодным взглядом. И раздельно, чтобы бывший сержант хорошо его запомнил, проговорил:

– Особое предупреждение. Попытаешься связаться с невестой, подставишь ее под пулю. Немедленно! Первое время ты будешь находиться под постоянным контролем со стороны. О всех твоих действиях будет известно мне. А я не прощу даже малейшего неповиновения. Накажу жестоко.

Аркадий поник, Афанасьев решил немного взбодрить его:

– Все это не значит, что твоя жизнь превратится в кошмар. Напротив, при хорошем и правильном поведении ты будешь обеспечен по высшему разряду. За верную службу я умею быть благодарным. И выше нос, Ангур! Тебя ждет интересная жизнь! А главное, ты сможешь

в недалеком будущем и в полной мере отомстить некоторым типам, из числа тех, кто толкнул тебя и твоих покойных товарищей в это огненное пекло. Это я тебе обещаю!

Полковник повернулся, чтобы выйти, но на пороге остановился, обернулся:

– Там, у озера, жди сообщения от меня. Отдыхай. Возле дома – причал, катерок, рыбалка чудная, а воздух! Вина не пожелаешь! Пока прощай, помни предупреждение о Валентине. Я уезжаю сегодня. Ты же можешь свободно передвигаться по аулу. Но не далее. До встречи под Москвой, Ангур!

Аркадий, встав, ответил:

– До встречи, Полковник!

Спустя некоторое время Аркадий Гуров уже находился в заброшенном двухэтажном доме, стоявшем у старой дамбы на Черном озере.

Неделю его никто не беспокоил.

Он оборудовал свою хижину, опробовал небольшой, но мощный катер, обследовал озеро. Оно было большим и глубоким. Только берега заросли осокой, и выхода на сушу было всего три. Через причал у дома, на противоположной стороне, и около деревни, откуда начиналась дамба, где дачники и местные жители оборудовали подобие пляжа.

Лес с северной стороны представлял собой узкую полосу «зеленки», вклинившейся в болото, которое окружало и дом, и озеро. Со стороны озера, а следовательно, и жилища Аркадия, подхода к нему не было. По крайней мере, ему он известен не был. Получалось, что из дома можно было уйти лишь по дамбе или при помощи катера с противоположной стороны озера, где лесной массив рос на твердой почве. Ну и через пляж, который в принципе находился у начала дамбы. Таким же образом можно было попасть к хижине.

Сколько ни пытался бывший снайпер спецназа вычислить наблюдателей, ничего не обнаружил. И все же позвонить Валентине не решился, помня безжалостные глаза Полковника. А как ему хотелось! До скрипа в зубах! Но не позвонил, в кровь избив о стены сарая кулаки в припадке отчаяния и бессилия.

Так продолжалось до вечера понедельника следующей недели.

Звонок на сотовом телефоне, которым снабдил Ангурского человек Полковника в Москве, раздался ровно в 19.00!

Аркадия поприветствовал знакомый голос Афанасьева.

Поинтересовавшись самочувствием и настроением Ангурского, он неожиданно пригласил Гурова на ужин в один из ресторанчиков на Старом Арбате. Пришлось Аркадию выгонять из сарая «Ауди» и ехать на встречу, которая, как он предполагал, ничего хорошего ему не сулила. Но приказ получен, его надо выполнять.

В кабаке, за фужером слабого вина, Полковник сообщил о том, что период «консервации» Ангурского закончен. Впереди – активная работа.

Ну и началось.

Первое задание. Разминочное, как назвал его Афанасьев. Оно заключалось в проведении акции устрашения одного из региональных политиков, некстати выдвинувшего свою фигуру на пост мэра областного центра. Задание было исполнено. Аркадий обстрелял политика предупредительным огнем, не задев его, тот и убрался с предвыборной гонки.

Чуть позже – акция посерьезнее.

А именно: ликвидация местного криминального авторитета, опять-таки в провинции, вызвавшая, как следствие, междоусобные бандитские разборки, позволившие местной милиции разгромить две преступные группировки, до этого терроризировавшие целый регион. Для чего это надо было Афанасьеву, Гуров не думал. Он выполнил приказ, получил деньги, а дальнейшее его не касалось.

Устранение банкира, перегонявшего бюджетные деньги «за бугор», и отстрел руководства так называемой гараевской банды, практикующейся на грабеже водителей-дальнобойщиков, было третьей акцией Ангура. Это задание Аркадий выполнил уже в Москве.

Последующее затишье продолжительностью месяца и, наконец, сегодняшняя акция, после исполнения которой Афанасьев решил лично навестить Ангура. Чего раньше никогда не допускал. Раньше он вызывал Гурова для постановки задачи на конспиративную квартиру в городе. Что подвинуло Афанасьева на этот визит?

Неясно...

Аркадий подошел к окну.

Со стороны Москвы надвигалась плотная свинцовая туча, лес замер, по всему – быть дождю. Это хорошо. Ангур любил дождь. Вновь вспомнилась Валентина, это она привила ему любовь к ненастной погоде, предпочитая прогулки в дождливую, промозглую погоду.

От Полковника он узнал, что после его «торжественных похорон» Валентина долго не горевала. Сразу же по истечении сорока дней вышла замуж за другого мужчину, офицера. Так умерла его любовь, принесла при этом столько боли, что сейчас, вспоминая это, Гуров не понимал, как смог пережить ее. Но он пережил, навсегда похоронив в себе это чувство, заменив его на ненависть к женщинам. Поэтому-то он так легко пристрелил сегодня эту проститутку, секретаршу Гомельского, Соню. Хотя мог и не делать этого. Этой сучке достаточно было предупреждения держать язык за зубами, и она бы молчала, вскоре переметнувшись к новому боссу, представив вместо рекомендаций свои длинные ноги с оголенной жопой. Но он убил ее, и его третий выстрел не был реакцией на внезапное появление Сони в дверях тамбура. Решение убить проститутку пришло к Ангуру раньше, как только он увидел это размазанное, развратное создание. Было ли ему жалко тех, кого он хладнокровно расстрелял в офисе «Голиафа»? Нет, не было, ибо и жалость умерла в нем вместе с любовью.

Отогнав мысль о Валентине, Аркадий задумался.

Что планирует Полковник? Очередной заказ? Но он только что выполнил акцию. Как правило, после этого Афанасьев делал перерыв, готовя где-то в столице очередную операцию. Действовал ли Полковник самостоятельно, принимая кардинальные решения? Вряд ли. За ним кто-то стоял. И этот кто-то должен был сидеть очень высоко, на одной из высших ступеней иерархической лестницы современной власти.

Но Аркадий не пытался дальше анализировать обстановку. Строить логические цепи, пытаясь найти что-то общее между его жертвами, чтобы понять стратегию Полковника и тех, кто стоит над ним. Для этого у него не было достаточной информации, а с некоторых пор и желания. Ангур смирился со своей участью наемного убийцы. И смирился легко, так как видел, что отстреливает не учителей, врачей или простых работяг, брошенных государством в нищету, а толстосумов, которые, по твердому убеждению Гурова, могли создать свои капиталы только преступным путем. И плевал он на законы, которые защищают и служат только избранной прослойке, в том числе и вышедшему из тени, легализовавшемуся криминалу! Поэтому и муки совести его не мучили. Совесть Аркадия спряталась где-то в глубинных тайниках его души, словно испугавшись деяний Гурова.

Гуров не боялся, что Полковник скоро уберет его. При условии, конечно, если Аркадий будет и дальше так же безукоризненно работать. Не для проведения нескольких одиночных акций тот вытаскивал Аркадия из чеченского плена. В который, и этого не знал Ангур, тот же Афанасьев, используя свои связи, и загнал его, беспощадно приговорив к смерти десятков человек, с одной лишь целью – заполнить в свое подчинение профессионального снайпера.

Ангур хорошо знал: стоит ему проявить своеволие или неподчинение, как Полковник его тут же приструнит. Он не боялся, но предполагал, конечно, что в конце концов Афанасьев избавится от него. Но не сейчас. Не в ближайшее время.

А там, глядишь, случай или ошибка Афанасьева даст Ангору шанс перехватить инициативу и вырваться из смертельного захвата. Этого шанса Гуров не упустит. Нужно только дожидаться этого шанса. Не пропустить момента, когда Полковник споткнется.

А он споткнется. Рано ли, поздно, но допустит промах. Ведь не робот же он с компьютером вместо головы? А людям свойственно ошибаться, какими бы мудрыми они ни были. Ангору остается ждать. А ждать он научился. Терпеливо и долго.

В 21.55 Аркадий услышал характерный звук мощного двигателя приближающегося по дамбе к дому джипа.

Полковник был пунктуален.

Ровно в 22.00 он вышел под дождь из внедорожника, поставив его возле причала. И, раскрыв зонт, направился к хижине.

Ангур встретил его на крыльце:

– Здравия желаю, Полковник, – по-военному поприветствовал он того, кого с удовольствием пристрелил бы.

Афанасьев отмахнулся:

– Да брось ты, Гуров, здоровались уже! Ну и дождь! А дорога? Хорошо, у меня джип, а вот как ты проходишь эту тропу на «Ауди», ума не приложу!

Аркадий посмотрел на дамбу, пожал плечами, коротко ответил:

– Привык!

– Что ж ты гостя на пороге держишь? Веди в свои владения!

Гуров с Полковником поднялись на второй, обжитой этаж.

Афанасьев оценил обстановку комнаты и ее чистоту:

– Да ты у нас аскет, Ангур?

Тот ответил:

– Здесь все, что нужно для жизни. Большого мне не требуется.

Полковник взглянул на Аркадия, хитро прищурившись:

– В отличие от городской квартиры, да?

– Вы знаете, я там практически не живу.

– Ну и ладно! Где бы нам разместиться для разговора?

– Смотря о чем речь пойдет. Можно за столом, если базар конкретный, а так и на диване подойдет.

Полковник закурил:

– Давай за столом.

Они сели в кресла друг против друга. Афанасьев спросил:

– Как чувствуешь себя, Аркаша?

– Нормально, как всегда.

– Совесть не мучает?

Вопрос был неожиданным и в какой-то мере неуместным, по крайней мере в устах Полковника. После всего того, что он заставил Гурова сделать, спрашивать о совести? Поэтому Ангур ответил вопросом на вопрос:

– А что это такое, совесть?

– Скажи мне откровенно, Аркадий, ты ведь не раз задавал себе вопрос, ради чего, ради каких целей я посылаю тебя убивать людей? Не так?

Гуров не отвел взгляда.

– Это что-нибудь меняет? Какой смысл рассуждать, когда у нас своего рода контракт? Вы отдаете приказ, я его выполняю. Как и прежде, на войне. Там тоже приходилось убивать. Почему этого не делать здесь? Я же вижу, в кого стреляю! На рожах моих клиентов написано, что они живут по ошибке природы и во вред ей. Я эти ошибки исправляю. Как могу, как обучен. При этом еще и деньги получаю! Так что все нормально, Владимир Иванович!

Полковник внимательно выслушал Гурова.

Он встал, прошелся по комнате, взглянул на освещенный джип:

– Это хорошо, что ты правильно оцениваешь ситуацию. Я бы мог по полочкам разложить тебе, за что и почему люди, которых ты лишаешь жизни, становятся жертвами, но вижу, что в этом нет никакой необходимости. И все же кое-что поясню.

Полковник встал, прошелся по комнате, собираясь с мыслями:

– Мы, то есть Организация, одним из руководителей которой является твой покорный слуга, боремся с организованной преступностью. Большого я тебе сказать не вправе, но ты сам видишь и заметил правильно, кто выбирается в жертвы. Преступные лидеры, коррумпированные чиновники и так далее. Те, против кого бессильны официальные правоохранительные органы. Устранение Гомельского привело к тому, что некая длинная преступная цепь потеряла одно звено. Важное звено, можно сказать, одно из главных, но всего лишь одно. Которое восстановить можно достаточно быстро. Мне же надо разорвать цепь так, чтобы восстановить ее стало невозможным. А посему уже послезавтра тебе предстоит много работы. Необычно много работы. Начав атаку на противника, ты не можешь позволить дать себе даже короткую передышку, а, напротив, должен усилить натиск.

Ангур спросил:

– В чем моя задача? И размер оплаты?

Астафьев достал что-то из внутреннего кармана пиджака, переспросил:

– Твоя задача?

И бросил на стол три фотографии:

– Оплата шестьдесят кусков. Почему такой размер гонорара, объясню по ходу разговора. На этих фото четыре личности, трое из которых подлежат немедленному уничтожению. Отсюда и размер оплаты, по двадцать тысяч за каждого!

– Ясно, – спокойно сказал Гуров.

Полковник же продолжил:

– Начнем по порядку: объектом №1 является тот, кто запечатлен на фотографии в центре. Это Рашид Хакманов, узбек. Владеет здесь, у нас, строительной корпорацией «Бахор».

Ангур с долей иронии спросил:

– Опять строитель?

На что Афанасьев ответил:

– А вот делать обобщения я тебе, Ангур, не советовал бы. Так вот, послезавтра рейсом номер... Москва – Ташкент этот деятель собирается покинуть Россию. Вылет борта в 8.40 из Домодедова. Рашид не должен улететь. Как и где его нейтрализовать, решишь сам. У дома ли, адрес на обратной стороне фото, по пути ли в Домодедово, в самом ли аэропорту – дело твое, и мне без разницы, где достигнет его твоя пуля. Послезавтра он гарантированно должен быть уничтожен. Но по этому делу еще не все. С Рашидом будет его двоюродный брат – Усман, заместитель по «Бахору». Он на фото справа от Рашида. Так вот, этот Усман обязательно должен остаться в живых! Идеально будет, если тебе удастся легко подранить его. Остальных, я имею в виду охрану и водителей, при наличии опасности с их стороны, можешь валить всех! Главное в этой акции – убить Рашида, оставив в живых Усмана.

Ангур спросил:

– Сколько будет машин и людей сопровождения, не считая Рашида и Усмана?

– Машин – две, любимый «мерин» Рашида и «Форд» прикрытия. Насчет охраны давай прикинем по максимуму. Узбеки-братья будут на заднем сиденье «мерса», следовательно, в первой тачке будет два бойца: водитель и телохранитель. А вот в «Форде» таких может оказаться человек пять.

Гуров подвел итог:

– Короче, семь рыл. Их вооружение? Оснащение?

– Обычные зарегистрированные пистолеты «ПМ», ну, может, где и спрячут пару автоматов «АКСУ», большего арсенала они с собой не возьмут. А оснащение? Какое может быть у них специальное оснащение? Это же тебе не отделение спецназа. Бронежилеты если и будут, то старого образца, а что они собой представляют, ты знаешь. Еще вопросы?

– «Мерседес» бронирован?

– Нет, таких тачек у узбеков нет.

На этот раз, не спрашивая разрешения, закурил Гуров.

– Мне будет нужна информационная поддержка, Полковник.

– Без проблем. В чем она заключается?

– При выезде к аэропорту точно установить, где находятся Рашид и Усман. Что на заднем сиденье «Мерседеса», понятно, но конкретно, кто слева, а кто справа, мне знать необходимо!

Полковник улыбнулся:

– Ты становишься профессионалом высокого уровня, Ангур! Будет тебе такая информация.

На что Гуров ответил:

– Станешь при таком-то инструкторе!

Чувствовалось, что Афанасьеву приятна последняя реплика. Он вновь прошелся по комнате: то ли такая манера ведения разговора стала у него привычкой, то ли кресло ему неудобно, но он подолгу не сидел за столиком. Постояв перед зеркалом, больше для того, чтобы зацепить взгляд Гурова ему в спину, полковник обернулся:

– Будем считать, что с первой акцией мы разобрались. Глянь, Аркаша, на фото справа от узбеков!

Что Гуров и сделал, спросив:

– И что?

– Обрати внимание на человека слева. Не буду объяснять, что собой он представляет и кем является, это лишнее. Назовем его объектом номер 2, которого также надо убрать, и сразу после Рашида. Убрать во время обеда в ресторане «Кедр». Он всегда там обедает, во второй кабине первого зала, окна которой выходят на улицу Мещанскую. Обедает со своей секретаршей, любовницей по совместительству, и помощником, молодым человеком, который также является его любовником.

Ангур удивленно посмотрел на начальника:

– Не понял...

Полковник засмеялся:

– Не встречал еще таких молодцов? Их называют универсалами. Такие с одинаковым удовольствием трахают бабу и подставляют свою задницу мужикам.

Гримаса брезгливости исказила лицо Гурова.

– Тьфу, блядь, выродок! – сплюнул он на пол.

Полковник поддакнул:

– Согласен с тобой, объект – мразь еще та. Но ближе к телу. Время обеда с 13.40 до 14.20, строго полчаса, еще полтора часа обеденного перерыва у них на любовь в офисе отводится.

– Понятно. Как с внешней охраной?

– Ее нет, только тот красавчик, что будет в кабине. Он вооружен, как и девица, это имей в виду особо. На баб мы в таких делах меньше всего обращаем внимания, за что иногда платим большой кровью.

Ангур неожиданно спросил:

– Эти особи, случаем, групповуху меж собой не устраивают?

Полковник удивился:

– А что, это так важно для тебя?

– Интересно!

– Устраивают! И такие оргии закатывают, каких ни в одном порнофильме не увидишь.

– Валить всех или только объект?

Астафьев ответил не задумываясь, уже догадываясь о решении подчиненного:

– На твой выбор, Ангур.

– Значит, всех троих!

– Ну всех так всех, ничего не имею против.

Он отодвинул в сторону две отработанные фотографии, выдвинул на середину третью, продолжил инструктаж:

– И последний тип, также на послезавтра. О нем я тоже распространяться особо не буду. Скажу одно, он занимается поставкой живого товара «за бугор». Отбирает малолеток из провинций и переправляет в Азию, якобы для престижной и высокооплачиваемой работы в русских кабаках. А на самом деле продает по дешевке в арабские гаремы. Назад девочки уже не возвращаются.

Со своего места встал и Гуров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.